

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЫНИЕ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ РОССИИ.

К. Головина.

МОСКВА.

**Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.**

1887.

Дозволено цензурой. Москва, 1 марта 1887 года.

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДНІЕ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЪ И ВЪ РОССІИ

Статистика поземельной собственности въ Россіи. Изд. Га. Ст.
Ком. Выл. I — VIII.

Paul Leroy-Beaulieu. *La Propriété foncière à l'étranger et en France.*

Вопросъ о распределеніи земельной собственности пред-
ставляетъ два совершенно различные вопросы, смотря по тому
обращаемся ли мы къ нему съ политической или съ эконо-
мической его стороны. Въ первомъ отношеніи, это будетъ вопросъ
о взаимномъ воздействиі землевладѣнія и политического строя
въ данномъ государствѣ; другими словами, нась будетъ занимать
та роль какую играетъ распределеніе земельной собствен-
ности въ судьбѣ ея владѣльцевъ, крупныхъ и мелкихъ. Съ
экономической точки зрѣнія, напротивъ, мы будемъ имѣть
дело съ тю внутреннею связью какая несомнѣнно обна-
руживается между распределеніемъ земли и сельскохозяй-
ственnoю культурой; здесь, стало-быть, уже не люди, не вла-
дѣльцы земли, а сама она, какъ объектъ культуры, является
на первомъ планѣ. Выводы наши, смотря потому на какой
изъ этихъ точекъ зрѣнія мы остановимся, могутъ быть да-
леко не тождественны. Извѣстное распределеніе собствено-
сти, болѣе или менѣе важное въ политическомъ отношеніи,

можетъ оказаться далеко не выгоднымъ въ сельскохозяйственномъ, и наоборотъ. Мысль эта высказывалась впрочемъ такъ часто что мы здѣсь на ней настаивать не станемъ. Гораздо менѣе разработана и потому несомнѣнно интереснѣе другая особенность занимающаго насъ вопроса. Распределеніе собственности въ данной мѣстности и размѣръ въ ней земледѣльческихъ хозяйствъ далеко не одно и то же. Собственность можетъ быть очень крупною, а сельскохозяйственная эксплуатациѣ земли можетъ сосредоточиваться на небольшихъ участкахъ. Эти участки, въ свою очередь, могутъ быть смежными и вмѣстѣ взятые образовать одно крупное имѣніе или, наоборотъ, быть расположеными въ видѣ отдѣльныхъ, через-полосныхъ лоскутковъ земли. Понятно что съ сельскоземельной точки зрењія важны только обширность и расположение этихъ участковъ, составляющихъ отдѣльные хозяйственныя единицы. Для агропомическихъ дѣлъ совершенно все равно, принадлежитъ ли одному или несколькимъ лицамъ известный рядъ хозяйствъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ. Для нихъ важно одно лишь—величина этихъ хозяйствъ и болѣе или менѣе выгодное распределеніе внутри ихъ отдѣльныхъ угодій. Другими словами, сельскохозяйственный вопросъ исчерпывается здѣсь распределеніемъ самой земли, независимо отъ того кому она принадлежитъ. Съ этой точки зрењія будетъ также безразлично кто ведетъ данное хозяйство: самъ ли его владѣлецъ или иное лицо, которому оно сдано владѣльцамъ на известныхъ условіяхъ. Успѣхи земледѣлія требуютъ одного лишь: чтобы личность хозяина имѣялась какъ можно рѣже, то-есть въ случаѣ господства фермерской системы, чтобы сроки аренды были какъ можно продолжительнѣе.

Но то будетъ, конечно, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Здѣсь сравнительные размѣры сельскохозяйственной эксплуатациї отходятъ на второй планъ. Отдѣльные хозяйства могутъ быть пожалуй очень не велики, но если они образуютъ изъ себя крупныя имѣнія, получатся результаты какіе обыкновенно влекутъ за собою наличность въ данной странѣ крупнаго землевладѣнія. Получится классъ богатыхъ собственниковъ, независимыхъ по своему положенію и способныхъ оказывать известное воздействиѣ на управление дѣлами страны. И если они собственно хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ заниматься не будутъ, а уступятъ его инымъ

лицамъ, то получаемая ими рента послужить какъ бы обезлеченіемъ досуга для занятія общественныхъ должностей. Въ то же время далеко не все равно: являются ли настоящіе хозяева собственниками своихъ земель или только ихъ съемщиками, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они становятся въ извѣстную зависимость отъ владѣльцевъ и уступаютъ въ ихъ пользу часть своихъ доходовъ въ видѣ ренты. Понятно что ихъ материальная обезлеченість не одинакова.

Если такимъ образомъ извѣстное распределеніе лоземельной собственности и большая или меньшая раздробленность хозяйствъ оказываютъ, независимо другъ отъ друга, извѣстное воздействиѣ на политический и хозяйственный строй, то въ свою очередь причины того и другаго явленія коренятся въ совершенно разнородныхъ условіяхъ. Степень раздробленія лоземельной собственности зависитъ главнымъ образомъ отъ того, успѣла ли исторически сложиться и окрѣпнуть въ данной странѣ лоземельная аристократія. Степень дробности отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ эксплуатаций, напротивъ, главнымъ образомъ зависитъ отъ того какіе размѣры сельскохозяйственной культуры оказываются въ данной мѣстности наиболѣе выгодными. Самая разнородность этихъ двухъ условій вызываетъ на практикѣ сочетаніе разнообразныхъ комбинацій. Мы уже замѣтили что крупная собственность вполнѣ совмѣстима съ наличностью мелкихъ хозяйственныхъ единицъ. Примѣръ этому мы видимъ въ юговосточныхъ графствахъ Англіи, гдѣ, несмотря на крупные размѣры имѣній, отдѣльныя фермы очень не велики. Во Франціи до революціи 1789 года уже преобладала мелкая культура, и большинство владѣльцевъ вовсе не занимались эксплуатацией своихъ имѣній, ограничиваясь получениемъ арендной платы съ многочисленныхъ хозяевъ мелкихъ лоземельныхъ участковъ. Владѣлецъ обширнаго имѣнія зачастую является лишь собирателемъ лоземельнаго налога съ настоящихъ хозяевъ. Право собственности такимъ образомъ какъ бы дробится между нѣсколькими лицами. Крупный собственникъ сохраняетъ за собою лишь власть довольно схожую съ властью государства надъ своею территоріей. Онъ ограничивается получениемъ ренты, которая остается неизмѣнною въ теченіе очень долгаго времени, а иногда въ силу обычая вовсе перестаетъ возрастать. Настоящимъ владѣльцемъ земли является съемщикъ, зачастую также въ силу обычая передающій свои

права по наследству своимъ потомкамъ. Аренда, такимъ образомъ, мало-по-малу въ сознаніи обѣихъ сторонъ переходитъ въ право собственности. Долгое сохраненіе земли въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ постепенно осващаетъ временное пользованіе, дѣлая его какъ бы неотъемлемымъ. Самый законъ зачастую вступается въ отношенія собственника и его съемщика, регулируя эти отношенія въ видѣ постоянной неизменной платы (*emphyteusis*), либо посредствомъ выкупа капитализованной ренты. Такимъ образомъ, голыя статистическія цифры о среднемъ пространствѣ имѣній въ данной мѣстности вовсе не даютъ еще отчетливаго понятія о характерѣ ея земледѣльческаго хозяйства. Еслибы, напримѣръ, въ дореволюціонной Франціи составлялись статистическія таблицы о тогдашней поземельной собственности, мы основываясь на этихъ таблицахъ получили бы совершенно превратное понятіе о свойствахъ ея земледѣльческой культуры, потому что крестьяне поселенные на помѣщицкихъ земляхъ вовсе не были бы включены въ число землевладѣльцевъ. Мы легко могли бы себѣ представить что въ тогдашней Франціи господствовало крѣпкое хозяйство, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ и тогда въ ней преобладала мелкая культура. Точно также по даетъ яснаго понятія о характерѣ поземельной собственности и число землевладѣльцевъ известной мѣстности. Число это можетъ быть очень велико, а между тѣмъ па долю мелкой собственности все-таки можетъ приходиться лишь небольшая сравнительно часть общей площади. Ясное и отчетливое представленіе о группировкѣ поземельной собственности по отдельнымъ категоріямъ владѣльцевъ и о характерѣ преобладающей земледѣльческой культуры мы получимъ тогда только когда статистика дастъ намъ, съ одной стороны, распределеніе земли по отдельнымъ группамъ владѣльцевъ крѣпкихъ, среднихъ и мелкихъ, а съ другой, такое же ея распределеніе по соответствующимъ группамъ хозяйства. Къ сожалѣнію, хотя за послѣдніе годы статистика поземельной собственности въ целой Европѣ сдѣлала большиѳ услѣхи, полныхъ данныхъ о ней до сихъ поръ не имѣется, потому что въ отдельныхъ государствахъ группировка цифръ производится по различнымъ системамъ. Такъ въ Пруссіи за единицу принято число отдельныхъ хозяйствъ, независимо отъ числа владѣльцевъ, и лишь съ указаніемъ того ведутся ли эти хозяйства на съемочной или на собственной землѣ.

Французская статистика, напротивъ, распредѣляетъ поземельную собственность по окладнымъ листамъ (*cotes foncières*), причемъ за единицу признается количество земли принадлежащей одному лицу въ предѣлахъ одной общины, независимо отъ того внесено ли въ каждый окладъ одно самостоятельное хозяйство или нѣсколько фермъ. Англійская статистика имѣетъ въ виду не число отдѣльныхъ имѣній и хозяйствъ, а лишь число поземельныхъ собственниковъ, причемъ къ нимъ отнесены не одни только коренные владѣльцы, но и долгосрочные арендаторы, владѣющіе землей на безсмѣнномъ и наследственномъ правѣ въ теченіе 99 лѣтъ. Послѣдній видъ собственности очень распространенъ въ подгородныхъ мѣстностяхъ. Наиболѣе полныя, хотя и не безошибочныя данные мы имѣемъ о русскомъ землевладѣніи. И въ изданіи Главнаго Статистического Комитета, и въ трудахъ отдѣльныхъ земствъ мы находимъ подробныя таблицы какъ о числѣ землевладѣльцевъ, такъ и о среднемъ размѣрѣ имѣній для каждой отдѣльной группы поземельныхъ собственниковъ. Къ сожалѣнію, данные эти не всегда согласны между собой, когда они исходятъ изъ различныхъ источниковъ; и обстоятельство это въ значительной степени умаляетъ ихъ цѣнность. Намъ довольно трудно безусловно довѣрять русской статистикѣ, и офиціальной и земской, когда мы знаемъ что въ большинствѣ случаевъ она въ концѣ концовъ сводится къ выпискамъ изъ донесеній волостныхъ правленій, либо къ произвольнымъ обобщеніямъ отдѣльныхъ изслѣдований частныхъ лицъ. Ниже, когда мы будемъ рассматривать характеръ землевладѣнія въ различныхъ европейскихъ странахъ, мы подробнѣе вернемся къ этимъ особенностямъ, значительно затрудняющимъ правильность нашихъ выводовъ.

При всемъ различіи двухъ факторовъ опредѣляющихъ характеръ землевладѣнія и сельского хозяйства въ каждой данной мѣстности, они оказываютъ другъ на друга тѣмъ не менѣе нѣкоторое взаимодѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, если крупная поземельная собственность вполнѣ уживается съ мелкимъ хозяйствомъ, то наоборотъ крупное хозяйство немыслимо при господствѣ мелкой собственности. Съ другой стороны, установившееся господство мелкой культуры рано или поздно должно привести къ раздробленію самой поземельной собственности. Устройство многочисленныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ на землѣ болѣе или менѣе обширнаго имѣнія при

господствъ долгосрочной, а тѣмъ болѣе наследственной аренды, является несомнѣннымъ стимуломъ къ совершенному отчужденію этихъ хозяйствъ, либо путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, либо посредствомъ обязательного выкупа.

Изъ сказаннаго ясно который изъ двухъ приведенныхъ нами факторовъ является преобладающимъ въ дѣлѣ организаций земельной собственности. Главную, господствующую роль нельзя не приписать экономическимъ условіямъ мѣстности, которые независимо отъ воли человѣка придаютъ характеру землевладѣнія каждой страны извѣстный отпечатокъ. Большинство людей въ концѣ концовъ всегда уступаетъ тяготѣющѣй надъ ними силѣ обстоятельствъ. Свойства климата и почвы, число свободныхъ рабочихъ рукъ, условія сбыта,— вотъ тѣ основные мотивы которые въ дѣлѣ сельскохозяйственной культуры вліяютъ на человѣческую волю при выборѣ и послѣдующихъ измѣненіяхъ сельскохозяйственной системы. Конечно, есть въ мірѣ страны гдѣ какой-либо видъ культуры окончательно восторжествовалъ и вытѣснилъ всѣ остальные. Но экономическая условія каждой мѣстности все-таки ставятъ сельскому хозяйству извѣстныя рамки, всякое уклоненіе отъ коихъ въ ту или другую сторону оказывается невыгоднымъ. Чѣмъ производительнѣе почва и дѣлающіеся продукты, тѣмъ легче небольшая обработанная площадь можетъ обеспечить ея хозяина. Въ то же время, чѣмъ обильнѣе и стало-быть дешевле въ данной странѣ капиталъ, тѣмъ легче заводятся интенсивные виды культуры и чрезъ то самое усиливается производительность земли. Вотъ почему тѣ страны гдѣ заодно встрѣчаются три условія—значительное плодородіе, густая населеність и обилие капиталовъ—имѣютъ естественную склонность къ мелкой культурѣ и стало-быть къ раздробленію хозяйства. Въ такихъ странахъ даже крупные, богатые владѣльцы рѣдко заводятъ обширныя запашки и предпочитаютъ дробить свои земли на болѣе или менѣе обширныя фермы. Въ то же время густота населенія естественнымъ образомъ усиливаетъ спросъ на землю и потому доводить ея стоимость до того что рента уже не равнестится проценту съ капитала. При такихъ условіяхъ у крупныхъ собственниковъ является сильное побужденіе къ распродажѣ своихъ земель мелкими участками. И крупныя дворянскія имѣнія исчезаютъ помимо всякихъ революцій. Примѣръ того мы видимъ въ Западной Германіи, Швей-

даріи и Съверной Италіи. Тамъ, напротивъ, гдѣ естественная производительность земли довольно слаба и особенно цѣнныя растенія не могутъ разводиться, гдѣ ста-быть плодородіе земли можетъ быть поддержано только съ помощью скотоводства, мы видимъ преобладаніе зерновыхъ культуръ и довольно обширные размѣры хозяйствъ не только у крупныхъ собственниковъ, дворянъ, но и у арендаторовъ и крестьянъ-землевладѣльцевъ. Примѣръ того мы видимъ въ Англіи, Восточной Германіи, Баваріи и Австріи. Въ такихъ странахъ, крупная собственность имѣетъ болѣе шансовъ удержаться въ прежнихъ рукахъ. Если исторически со-здалось очень богатое землевладѣльческое сословіе, какъ въ Англіи и Австріи, то представители его большей частию сами не обрабатываютъ своихъ земель, уступая ихъ долгосрочнымъ съемщикамъ. И тогда границы отдѣльныхъ имѣній уже не совпадаютъ съ размѣрами отдѣльныхъ фермъ. Если, напро-тивъ, какъ въ Восточной Германіи и Баваріи, очень крупное землевладѣніе почти отсутствуетъ и дворянская соб-ственность сохранилась въ рукахъ класса сравнительно не-богатаго по сидящаго на мѣстѣ и занятаго по преиму-ществу выборною службой, фермеромъ является большей частию самъ владѣлецъ, и землевладѣльческое сословіе, непосредственно занятое сельскимъ хозяйствомъ, не до-стигаетъ значенія крупной политической аристократіи. Тамъ, наконецъ, гдѣ- благодаря условіямъ климата или рѣдкости населенія, очень слаба производительность почвы (какъ въ Шотландіи), либо очень низка поземельная рента (Венгрія), хозяйства достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ и привимаютъ вдобавокъ экстенсивный характеръ при слабомъ примѣненіи капитала. При этихъ условіяхъ поземель-ная собственность можетъ долго оставаться въ прежнихъ рукахъ, такъ какъ благодаря отсутствію сильной производи-тельности и выгодного сбыта земледѣліе не привлекаетъ ка-питаловъ и не пригодно для мелкой крестьянской культуры. Если къ упомянутымъ двумъ условіямъ мы прибавимъ еще одно—невозможность выгодно для себя вести даже экстен-сивное хозяйство безъ примѣненія къ нему капитала, то по-слѣдствіемъ будетъ даже при отсутствіи высокой поземельной ренты быстрый переходъ земель изъ рукъ прежнихъ собствен-никовъ, дворянъ, въ руки лицъ другихъ сословій. Примѣромъ послѣднаго сочетанія условій служить наше отчество.

Наконецъ, во Франціи встречаются всѣ упомянутые виды хозяйства, изъ коихъ каждый имѣть свой опредѣленный районъ. Но Франція не можетъ служить примѣромъ естественного развитія подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, такъ какъ ея аграрный строй подвергся насильственному потрясенію въ концѣ прошлаго столѣтія.

II.

Наше время—по преимуществу время крупнаго производства, по крайней мѣрѣ въ обрабатывающей промышленности. Необходимость производить дешево и потому самому производить въ большихъ размѣрахъ привела въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ къ невиданному въ прежнее время сосредоточенію капитала, чѣмъ достигается сокращеніе расхода по общему управлению и возможность при сравнительно меньшихъ затратахъ производить большее количество товара. Явление это до того известно что подробно объяснять его пезачѣмъ. Совершенно очевидно, между тѣмъ, что эти соображенія вполне примѣнимы и къ производству сырыхъ продуктовъ; стало быть и къ земледѣлію. Громадный ростъ хлѣбнаго производства въ Америкѣ за послѣднее десятилѣтіе и былъ не чѣмъ инымъ какъ примѣненiemъ къ сельскому хозяйству приемовъ фабричнаго производства. Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ тотъ же законъ сосредоточенія производительныхъ силъ наблюдается въ сельскомъ хозяйстве Европы. Другими словами, замѣтно ли въ европейскомъ земледѣліи расширение размѣровъ хозяйства и въ связи съ нимъ ростъ крупнаго землевладѣнія?

Одинъ изъ пашихъ публицистовъ, локийный князь А. И. Васильчиковъ, посвятилъ этому вопросу обширное сочиненіе, книгу о землевладѣніи и земледѣліи, падѣлавшую въ свое время столько шуму. Въ этой книгѣ почтенный авторъ проводить ту основную мысль что вся история лоземельныхъ отношеній въ Западной Европѣ представляетъ длинный рядъ послѣдовательствъ на крестьянскую собственность, результатомъ коихъ оказалось постепенное обезземеленіе большинства прожихъ владѣльцевъ земли. Въ основаніи этого экономического процесса лежитъ завоеваніе пришлыми военными дружинами и пасильственнымъ захватъ земель съ обращеніемъ

коренныхъ жителей-земледѣльцевъ въ крѣпостное состояніе. Дальнѣйшій ходъ развитія западныхъ обществъ, по мнѣнію ка. Васильчикова, не только не ловелъ къ возстановленію мелкой крестьянской собственности, но довершилъ напротивъ дѣло первыхъ землевладѣтелей посредствомъ окончательнаго отъятія земли у земледѣльческаго класса. Этому классу, правда, была возвращена личная свобода, но взамѣнъ того у него были отобраны и тѣ земли которыя у него оставались на правѣ полунезависимаго владѣнія, обложенаго повинностями въ пользу дворянства. Отображеніе это совершилось разными способами: частью путемъ скупки земель крупными землевладѣльцами, частью посредствомъ распродажи или разверстанія общинныхъ земель. И наука и законодательство пришли въ этомъ отношеніи на помощь крупной собственности. Ученые агрономы конца XVIII и начала XIX вѣка доказывали невыгоду мелкой культуры и невозможность вводить земледѣльческія улучшенія тамъ гдѣ правильной разбивкѣ полей мѣшиали крестьянскіе дворы и право общей пастбибы на лугахъ и лашняхъ. Законодательство, зная доказателія агрономической науки, цѣлью рядомъ мѣръ принятыхъ въ разное время въ отдѣльныхъ европейскихъ странахъ, устранило препятствія какія создавала услѣхамъ земледѣлія мелкая крестьянская собственность. Въ Англіи обширныя, лежавшія влустѣ, общинныя земли были присоединены ко владѣніямъ крупныхъ собственниковъ. Въ Германіи было утверждено за каждымъ землевладѣлемъ право требовать себѣ выдѣла подворпаго участка съ освобожденіемъ отъ сервитута пастбибы и произведено разверстаніе сельскихъ земель, причемъ въ восточной ея части большинство деревень было разбито на отдѣльно-столиціе дворы. Даже во Франціи, гдѣ учредительное собраніе 1789 года торжественно признало общинныя земли достояніемъ „неимущихъ“, эти земли въ послѣдствіи были обращены въ собственность государства и большую частью распроданы. Мотивомъ къ этому уничтоженію общиннаго права на землю послужило желаніе подвергнуть рациональной культурѣ обширныя пространства лежавшія до того незанятыми. Но послѣдствиемъ его было крайнее стѣсненіе бѣднѣйшихъ сельчанъ, лишившихся возможности получать отолленіе съ общинныхъ лустырей и пастбищ на нихъ скотъ. Весь этотъ рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ ловелъ къ тому что вслѣдъ за насильтвеннымъ

завоеваніемъ совершившимся въ началѣ Среднихъ Вѣковъ, произошло второе, мирное, но еще болѣе губительное, и произошло на нашихъ глазахъ подъ благовиднымъ предлогомъ гуманныхъ и научныхъ соображеній. *

Такимъ образомъ, съ точки зреія князя Васильчикова въ Западной Европѣ произошло не измельчаніе собственности, не распродажа крупныхъ имѣній, а совершился обратный процессъ скопленія земель въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ.

Для большей наглядности приведемъ здѣсь подлинныя слова князя Васильчикова:

„Мы полагаемъ“, говорить онъ, „что этотъ порокъ (то-есть порокъ въ общественномъ организмѣ Западной Европы) есть неправильное распределеніе между разными классами жителей земельной собственности, распределеніе отчасти происходящее отъ первобытнаго порядка завоеванія и занятія европейскихъ земель, ко въ послѣдствіи усилившееся отъ насильственныхъ захватовъ, освященное ложными юридическими началами и научными теоріями, и наконецъ, въ новѣйшее время, въ XVIII и началѣ XIX столѣтія, проведенное съ беспощадною строгостью въ ущербъ крестьянскаго сословія и въ пользу помѣстнаго.

„Явленія эти были нѣсколько различны въ уломянутыхъ трехъ странахъ: въ Англіи экспропрація землевладѣльцевъ произошла ранѣе и потому доведена была до конца; во Франціи она прервана была революціей 1789 года и поэтому совершена была только въ половину; въ Германіи она шла медленѣе, протянулась до 1848 года и уже приближалась къ благополучному окончанию, когда февральская революція во Франціи внезапно разгромила всѣ соображенія и расчеты нѣмецкаго рыцарства... Въ Англіи, какъ сказано, все крестьянство было уже стерто съ лица земли; въ Германіи оставались па мѣстахъ зажиточные домохозяева, полные, самостоятельные крестьянскіе дворы, а изъ прочихъ сельскихъ жителей большая часть была уже обращена въ батраковъ, бобылей и чернорабочихъ; во Франціи крестьяне-собственниковъ было еще много, но земель у нихъ оставалось мало, такъ что хлѣбопашество было недоступно большей части крестьянъ, изъ которыхъ большинство находились въ положеніи нашихъ деревенскихъ бобылей и т. д.“ (стр. XI).

* Землевл. и Землед. Введ., стр. II, VII, XI и сл.

Такимъ образомъ, аграрная теорія князя Васильчикова сводится къ тремъ слѣдующимъ положеніямъ. Поземельная собственность распределена между отдельными классами неправильно. Первоначальный источникъ этой неправильности заключается въ завоеваніи. Но съ течеіемъ времени она постепенно усиливалась въ ущербъ крестьянскому и въ угоду помѣстному классу посредствомъ захвата крестьянскихъ земель. Теоріи этой, какъ видитъ читатель, нельзя отказать въ оригинальности. Она прямо противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, утверждая что въ Западной Европѣ до настоящаго времени непрерывно совершался ростъ крулой собственности. Но, къ сожалѣнію, она столь же противорѣчитъ и фактамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ на которые ссылается самъ авторъ.

Пока оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильно или неправильно распределена поземельная собственность. Обратимся къ двумъ другимъ положеніямъ князя Васильчикова.

Крулая поземельная собственность будто бы произошла путемъ завоеванія, то-есть возникла во время грозного движения германскихъ народовъ, наводнившихъ съ конца IV вѣка области Западной Римской имперіи. Утверждать это, значитъ непризнавать вполнѣ известныхъ фактовъ и считать известными такія даныя о которыхъ мы имѣемъ самыя смутныя понятія. Волервыхъ, крулое землевладѣніе существовало, и при томъ въ очень большихъ размѣрахъ, въ Италии, Франціи и Испаніи до вторженія въ эти страны варваровъ. На земляхъ крупныхъ собственниковъ Римского государства не только проживалъ многочисленный классъ земледѣльцевъ-арендаторовъ (*coloni*), но между ними и владѣльцами вдобавокъ существовали известные обязательные отношения, изъ которыхъ въ послѣдствіи выработалось крѣпостное право. Утверждать, стало-быть, какъ это ловидимому дѣлаетъ князь Васильчиковъ, что до германского завоеванія вся земля принадлежала тѣмъ кто ее воздѣлывалъ, значитъ утверждать нечто совершенно голословное. Во вторыхъ, мы ровно ничего не знаемъ о томъ какимъ образомъ завоеватели, то-есть Готы, Франки, Лонгобарды и т. д. распорядились съ поземельною собственностью захваченныхъ ими областей, такъ какъ древнѣйшіе юридические памятники касающиеся поземельныхъ отношеній относятся къ такому времени когда завоеватели давнымъ-давно осѣли и смѣшились

сь побѣженными. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію что вожди германскихъ племенъ раздали своимъ дружинникамъ земли въ завоеванныхъ областяхъ. Но въ какой мѣрѣ это произошло, сколько земель было отобрано у прежнихъ собственниковъ, обѣ этомъ мы ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предположить что новые владѣльцы захватили преимущественно земли крупныхъ собственниковъ какъ наиболѣе богатую добычу. Относительно крестьянъ-арендаторовъ они замѣнили собою прежнихъ господъ.

Далѣе, о завоеваніи въ строгомъ смыслѣ можетъ идти рѣчь только по отношеніи къ тремъ юго-западнымъ странамъ Европы, Франціи, Испаніи и Италіи, и пожалуй къ славянскимъ племенамъ жившимъ на правомъ берегу Эльбы. Вся обширная область между этою рѣкой и Рейномъ никакому завоеванію не подвергалась. Такимъ образомъ, корень поземельныхъ отношений средневѣковой Европы, сложившихся въ феодальную систему, слѣдуетъ искать не въ пашествіи Германцевъ на Римскую имперію. Феодализмъ развился и окрѣпъ вслѣдствіе не завоеванія, а того общественнаго разложения, того уладка государственной власти, который послѣдовалъ за грандиозною, но скоро сплющою попыткой Карла Великаго дать твердую организацію своей обширной имперіи. Тамъ гдѣ органы государственной власти отсутствуютъ, гдѣ ова бессильна обеспечить жизнь и имущество жителей, само общество, какъ бы грубо оно ни было, должно удовлетворить эту главѣйшую изъ своихъ потребностей; и за отсутствиемъ центральной власти, наиболѣе слабые его члены естественно группируются вокругъ того ближайшаго сильнаго человѣка который у нихъ па виду и можетъ ихъ въ случаѣ пужды защитить. За такую защиту они платятъ ему своею личною свободой. Феодальная система свела всѣ функции государственной жизни па частные гражданскія отношенія. Но въ основѣ этихъ отношеній лежало общественное начало, не частное, а публичное право. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ крестьянъ поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, въ обязательныя и личныя отношенія къ крупнымъ собственникамъ, баронамъ, вступили и свободные мелкие землевладѣльцы, обязавшіеся предъ ними или военпою службой, или отбываніемъ известныхъ работъ, или денежною платой. Но въ этомъ сказалось не расширение крупной собственности на счетъ мелкой, а только іерархическое подчиненіе одного класса другому, вызванное необходимости самозащиты.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ третье положеніе князя Васильчикаова оправдывается данными приведенными имъ самимъ. Въ одной изъ трехъ странъ о которыхъ говорить авторъ книги о землевладѣніи, въ Англіи, произошло въ самомъ дѣлѣ расширение крупной собственности на счетъ мелкой. Процессъ этотъ совершился въ разное время и разными способами.

Въ эпоху реформаціи, при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI и Елизаветѣ, секуляризованныя церковныя имущества были разданы этими государями своимъ любимцамъ, что и послужило главною основой образования крупной лоземельной аристократіи, ведущей, какъ известно, свое начало отъ дома Тюдоровъ. Той же участи подверглись конфискованныя земли тѣхъ дворянскихъ родовъ которые во время войны Бѣлой и Алой Розы стояли на сторонѣ побѣжденной лартіи. Здѣсь стало-быть крупная лоземельная собственность расширилась главнымъ образомъ на счетъ прежнихъ церковныхъ имуществъ, размѣръ которыхъ до XVI вѣка былъ очень значителенъ. Затѣмъ, въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX, цѣлью рядомъ парламентскихъ актовъ, большая часть земель принадлежавшихъ общинамъ была разверстана между сосѣдними владѣльцами, причемъ за основаніе разверстки былъ принятъ размѣръ владѣнія каждого изъ пихъ. Эти мѣры были вызваны желаніемъ подчинить культуру пустопорожнія земли. Несомнѣнно что порядокъ которымъ была проведена эта реформа способствовалъ округленію крупныхъ имѣній. Но, строго говоря, и въ этихъ мѣрахъ нельзя видѣть отображенія земель у мелкихъ собственниковъ, такъ какъ онѣ относились только къ пустошнымъ землямъ, не принадлежавшимъ никому. Такое разверстаніе совершилось не въ одной Англіи. Со второй половины XVIII вѣка оно обошло постепенно всѣ государства Западной Европы. Реформа эта являлась лишь послѣдствіемъ измѣнившихся условій культуры, перехода отъ трехпольного хозяйства къ болѣе интенсивнымъ системамъ. Одновременно съ такимъ переходомъ сохраненіе дикихъ пастбищъ оказалось невыгоднымъ, такъ какъ оно обусловливалось оставлениемъ большихъ пространствъ земель въ всякой культурѣ. При многопольныхъ системахъ земледѣства съ травосѣяніемъ оказывалось возможнымъ отводить подъ выгонъ скота менѣе обширные, но за то болѣе производительные участки. Съ такимъ измѣненіемъ въ